

Жан-Батист Капефиг

Хлодвиг и Меровинги

Жан-Батист Капефиг
Хлодвиг и Меровинги

«Издательские решения»

Капефиг Ж.

Хлодвиг и Меровинги / Ж. Капефиг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690627-3

Книга Капефига «Хлодвиг и Меровинги» (1869) — фундаментальный труд о первой франкской династии. Автор детально рассматривает правление Хлодвига I и историю Меровингов от расцвета до упадка, анализирует общество и культуру эпохи. Работа сочетает нарратив с обширным документальным приложением, служа важным справочником по раннему Средневековью.

ISBN 978-5-00-690627-3

© Капефиг Ж.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Введение	7
КНИГА I. – ВАРВАРСКАЯ ЕВРОПА. – КЕЛЬТСКАЯ И РИМСКАЯ ГАЛЛИИ	17
КНИГА II. – РИМСКАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ГАЛЛИЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хлодвиг и Меровинги

Жан-Батист Капефиг

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Капефиг, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-0627-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

В своей книге «Хлодвиг и Меровинги» (1869) французский историк Жан-Батист Капефиг представляет масштабное повествование о первой королевской династии Франкского государства – Меровингах (V—VIII вв.). Центральной фигурой труда является Хлодвиг I, основатель королевства, чье правление, крещение и завоевания подробно исследуются. Капефиг начинает с широкого исторического контекста, описывая состояние Римской Галлии, ее христианизацию и эпоху Великого переселения народов, прежде чем перейти к происхождению франков и их первым легендарным вождям. Далее автор прослеживает расцвет и упадок династии, включая эпоху «ленивых королей» и возвышение майордомов Каролингов, уделяя значительное внимание личностям монархов и народным легендам (особенно вокруг Дагоберта I). Во второй части работы акцент смещается на системный анализ: рассматривается сосуществование римского, галло-римского и варварского обществ, состояние наук и литературы, а также внешние связи франков с Византией, папством и другими варварскими королевствами. Труд приобретает особую ценность благодаря обширному документальному приложению. В нем представлены хронологии правителей (королей, пап, императоров), тексты законов (например, Салическая правда), выдержки из соборов, описания монет и памятников. Это делает книгу не только увлекательным историческим повествованием, но и важным справочником по раннесредневековой истории Франции.

Введение

Мысль написать Историю Франции по Великим Эпохам, основанную на Хрониках и Хартиях, принадлежит не мне; она была внушена мне много лет назад одним из последних бенедиктинцев конгрегации Сен-Мор, отцом Бриалем.

Я был тогда учеником Школы Хартий; Академия надписей и изящной словесности только что удостоила награды моё Сообщение о Филиппе-Августе, и среди моих судей был отец Бриаль. По долгу я должен был нанести ему благодарственный визит. В глубине маленького садика в квартале Сен-Жак стоял уединённый домик. Пожилой человек с суровым, но добрым и мягким лицом принял меня с особой благосклонностью: «Ваше Сообщение хорошо проработано, дитя моё, – сказал он мне, – я охотно отдал за него свой голос, потому что оно содержит серьёзное изучение Хроник, Хартий, Дипломов – подлинных элементов истории. До сих пор ими слишком пренебрегали; писали истории, плод фантазии, проникнутые духом системы. Если вы когда-нибудь будете писать о Средневековье, возьмите себе за вечный образец „Историю Лангедока“, написанную двумя бывшими членами нашей конгрегации Сен-Мор, отцом Левином и отцом Вэссетом».

Эти слова запечатлелись в моей памяти, и с тех пор моя историческая жизнь посвятилась этой работе, которую я постепенно буду публиковать. Публика благосклонно приняла «Карла Великого», «Гуго Капета» и «Филиппа-Августа»: я намерен переиздать и воспроизвести все эти труды, связав их между собой, но сохранив отдельными, так, чтобы они составили единое целое под заглавием: «История Франции по Великим Эпохам». Счастливая случайность такова, что каждая из этих эпох имеет свой определённый характер; таким образом, в повествовании не будет ничего произвольного и систематического.

Произведение, единственное ещё не опубликованное, которое я предлагаю сегодня и которое является одним из первых мною написанных, ибо относится оно ко времени, когда я был учеником Школы Хартий, носит это название: «Хлодвиг и Первая Династия». Если я приберёг для конца этих учёных трудов исследования о происхождении нашей Истории, то потому, что они требуют большего изучения и, главным образом, потому, что они часто искажались. Когда читаешь претенциозные компиляции современных авторов, можно подумать, будто они хотят воссоздать и описать историю регулярного правления, писать о жизни королей по образцу Людовика XIV: дошли даже до того, что стали украшать эти истории портретами, изображая бородатых мужчин в бархатных и шёлковых мантиях. Где же нашли все эти прекрасные вещи? Какой памятник сохранил фигуру, изображение Хлодвига или Дагоберта? Едва осталось несколько искажённых медалей, несколько печатей, наполовину превратившихся в пыль: отец Монфокон велел выгравировать два-три доспеха, боевые топоры, грубые мечи: никаких иных остатков той эпохи. К чему же выдумывать их? Кто может допустить, чтобы изображали Фарамонда в его одеянии и с короной, само существование которого сомнительно? Современные историки, которые отважились на всё это, бесконечно похожи на средневековых иллюминаторов, рисовавших царя Давида с атрибутами Карла VII, каким его видят на игральных картах.

Первая Династия была временем смятения и беспорядка; не было ни права, ни долга, ни власти. Те, кого называли Королями (reges), были вождями диких племён, подобно уроженцам Америки или Каледонии. Невозможно отыскать правительство, политику в этом хаосе. Поэтому всем и каждому было легко создать свою систему, развернуть свою теорию о состо-

янии лиц: левдах, колонах, рабах; о варварских кодексах, о власти королей, о политических собраниях. На этом обширном и свободном поле каждый мог развивать свою идею: Монтескьё, Мабли, Буленвилье писали противоречивые тома, полные ума и блеска: никто не был полностью прав, никто не был полностью неправ в этой бесплодной для истории борьбе.

Том, который я публикую о Хлодвиге и Меровингах, не претендует на обсуждение систем; он повествует о фактах и, с помощью хроник и хартий, рисует это варварское общество, полное драм, эту жизнь в лесах, среди битв и охот: любопытные легенды, собранные по современным памятникам. Франки, нейстрийцы и австразийцы установили регулярное правительство лишь тогда, когда переняли галло-римские учреждения, провинции, муниципалитеты. Даже титул Короля был воспоминанием о Риме, и Хлодвиг получил паллий от императоров Константинополя.

В этой организации Епископы играли очень активную роль; являясь выражением старого галльского мира, они имели больше влияния на общество, чем вожди или короли, графы или левды, с которыми они часто боролись; Епископы с трудом укрощали варварство: они были первыми гражданами муниципалитетов, канцлерами королей: святой Мартин Турский, святой Ремигий, святой Герман Оксеррский, святой Герман Парижский [1] – это политические люди первого порядка, стоявшие между королями и народом; если они иногда терпели поражение в своей борьбе; в конечном счёте, они оставались хозяевами общества.

Церковные документы очень ценны для истории Первой Династии; хроники написаны клириками. Мы ничего бы не знали об этих временах, если бы епископы, аббаты, монахи не собирали события с терпением. Мы включили в рамки наших исследований и жития Святых, собранные болландистами, – картину всего общества. Разве, например, житие святого Элуа – это не хроника ремесленников, трудящихся при Первой Династии? Житие святой Женевиевы знакомит с Парижем времён Аттилы; нравы, обычаи, общественная и частная жизнь находятся у болландистов. Даже чудеса являются любопытными откровениями о духе эпохи; чудеса были оружием защиты для слабого против сильного; Бог вмешивался в пользу невинности и останавливал насилия злодеев. Ад, чистилище были небесной карой варварских кодексов.

Из документов, опубликованных в этом томе, следует, что на самом деле не существовало единой и действующей Французской Монархии при Первой Династии, но была группа вождей, королей Парижа, Суассона, Орлеана и Меца: редко кто-то один носил титул короля франков; территория была разорвана в клочья. Племена устремлялись в ту или иную сторону, привлечённые добычей или завоеванием. Никакой стабильности в принципах не было, пока римская иерархия не внедрилась в законы. Феодосиев кодекс создал Французскую Монархию: монастырские учреждения, стабилизируя земельную собственность, развивали вкус к учёности и чистоту нравов. У первобытных франков не было никакого уважения к жизни человека, никакой целомудренности: брали жену, бросали её; у королей, левдов было по две или три одновременно, и самой трудной борьбой, которую вели Епископы против Королей, было торжество единобрачия и верности в браке.

Мне показалось важным разделить историю Франции по эпохам, каждая из которых отмечена особым характером: Хлодвиг, Карл Великий, Гуго Капет, Филипп-Август. Соблюдая хронологию, я стремился обрисовать дух общества и общие нравы, которые являются колоритом Истории. Хлодвиг и Меровинги являют борьбу между обессиленными королями священной расы Меровея и майордомами, вновь обретшими сильный дух завоевания, соперничество

между нейстрийскими и австразийскими расами, вторжение готов, вестготов, лангобардов, которые бурлили, пока не образовали регулярные правительства.

Карл Великий основал верховную власть, смешав австразийский дух с римским правом. Идея его империи, его золотой короны и пурпурных украшений была заимствована у Византии. Карл Великий, опираясь на Папу, знал, что в Риме сохранились следы Римской Империи.

Гуго Капет стал истоком феодализма, взявшего за основу землю. Король организовал службы и достоинство феодалов через иерархию земли; если ещё сохранялась некоторая неурядица, королевская власть была признана и приветствовалась.

Филипп-Август первым учредил сильную и обширную монархию, наведя порядок даже в крупных феодах: Нормандии, Фландрии, Шампани, Гиени, Бургундии. Битва при Бувине укрепила королевскую власть.

Задача, которую я на себя возлагаю, высока, я это знаю; я должен, однако, сказать, что большинство этих эпох уже были изучены и опубликованы в моих специальных трудах, которые были как бы подготовительными исследованиями: мне осталось лишь согласовать их и усовершенствовать, добавив подробную хронологию Королей, историю нравов, костюмов и оружия; дух общественный и частный, хронику искусств, основание соборов, аббатств и монастырей. Если монастырские учреждения занимают лишь слабое место в современном обществе, в Средние века они были всем: поэтому их надо учитывать. Было бы легко подражать претенциозной и поверхностной учёности, которая принимает варварское написание для имён собственных; в тексте и так достаточно темноты, не стоит примешивать к нему эти имена, трудные для написания, невозможные для произношения. Поэтому я пишу Хлодвиг, Хродехильда и Хлотарь так, как писали бенедиктинцы.

В историческом паломничестве я только что посетил места, где разворачивались самые волнующие сцены Первой Династии: Суассон, Реймс, Лан, Нуайон, Турне. Конечно, там всё сильно изменилось. Ни одна из руин, ни один из монастырей, аббатств или церквей не восходит к пятому и седьмому векам. Куда делись те глухие герцинские и арденнские леса, где совершались дикие драмы Франкских Королей? Тур больше не бродит по этим пустыням, и молоссы более не нападают на быков. Чудесные охоты перестали слышать звуки волшебных рогов; пугливая лань более не ищет убежища на гробнице святого Мартина Турского и в монастыре Жюмьеж. Где те Короли, которые путешествовали в сопровождении своих свор, от мызы к мызе, ныне превращённым в замки? Лишь два леса, Компьень и Фонтенбло, остались, чтобы дать нам представление о жизни первых Франкских Королей.

Однако из среды этих руин, рассеянных по полям, для учёного поднимается пыль от боевых топоров, железных шлемов, истлевших скипетров, которая вдохновляет и окрашивает исторические исследования. Я не могу забыть, что в Школе Хартий вид диплома с висящей, пожелтевшей и разбитой печатью, или меровингского папируса, почти превратившегося в обрывки, заставлял меня трепетать, и именно пытаясь их прочесть, объяснить, я пришёл к составлению, на основе самих документов, этой Истории Первой Династии. В городе, где я пишу эти строки, случайно была обнаружена гробница Хильдерика, отца Хлодвига. Всё там было варварским и языческим: боевые топоры, дротики из кости, камня и железа, грубо обработанная голова быка, религиозный символ германцев. Вот он – первобытный франк. С доблестным вождём погребали всё, что он любил, его фрамею и его скакуна [2].

Теперь, когда хорошо прониклись целью и характером этого исторического труда, я считаю существенным поведать об источниках, из которых он черпался, и о духе его изложения. Я люблю старые хроники, волнующие свидетельства духа прошлого, память об ушедших поколениях; и тем не менее эти хроники презираются писателями как стоящие ниже критической философии. В коллежах, в то время как до пресыщения прославляют отцов греческой и римской истории: Геродота, Тита Ливия, – едва говорят об отцах истории Франции, которые сохранили чистоту нашей национальной славы, как щитодержатели на гербах, грифоны, единороги, защищали герб предков. Печально видеть, что классические книги по истории Франции, – бледная, сухая хронология, претенциозный конспект дат и событий, словно в анналах страны нет ничего нового, поэтического.

Мне поэтому кажется справедливым, существенным познакомить с великими учёными, которые разыскивали, сохраняли первичные документы нашей истории. Вот прежде всего драгоценное Собрание отца Буке, точная и полная коллекция всех хроник, труд монахов Конгрегации Сен-Мор. Для Бенедиктинцев, в их мирном уединении, всё было работой, исследованиями; у них была богатая библиотека, драгоценные рукописи, миссалы, украшенные миниатюрами, точные картулярии Хартий и Хроник. Бенедиктинцы начали подготовку [3] своего собрания по инициативе государственного деятеля, канцлера Ле Телье, гордого и влюблённого в анналы Франции. Канцлер Д'Агессо дал собранию название *Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores* (писатели галльских и франкских деяний) [4]. Отец Буке, спокойный, серьёзный ум, помогаемый молодыми монахами, продолжал свои труды более пятидесяти лет: не только он публиковал в своём собрании Хроники, но каждый том был украшен превосходным предисловием, резюмировавшим современные события. Благочестивая и великая конгрегация – Бенедиктинцы и Геновифанцы! Члены Общины Сен-Мор были отмечены столь неизгладимым характером, что хранили его даже сквозь революции. Рядом с отцом Бриалем, сидевшим и погружённым в размышления в Институте, можно было заметить члена Конвента г-на Дону: если он и сбросил монашескую рясу, он сохранил на своём челу религиозное спокойствие, дышавшее учёностью; всё в его походке напоминало отшельников старых монастырей Святой Женевьевы, Сен-Жермен-де-Пре и Блан-Манто.

Собрание историков Франции вскоре дополнилось Собранием Хартий и Дипломов г-на де Брекиньи [5]. То была эпоха, когда Монтескьё публиковал «Дух законов». Людовик XV, увлечённый старыми установлениями монархии, приказал составить собрание Ордонансов Королей Франции, которое должно было быть предварено специальной работой о Хартиях первой и второй династий, чтобы прояснить Капитулярии Карла Великого, прокомментированные Балюзом.

Дворянин из Дофине по имени Леблан начал при Людовике XIV свой Трактат о Монегах и Медалях, столь драгоценный для объяснения царствований, установления дат и упорядочивания хронологии событий [6]. Родившийся без состояния, без покровителя, Леблан не смог бы осуществить своё призвание, если бы не нашёл герцога де Монтозье, ясную душу, покровительствовавшую всему полезному и национальному. Леблан был энтузиастом учёности: «Однажды в Ватикане, – рассказывал г-н де Крюссоль, его спутник в путешествии по Италии, – он обнаружил медаль Людовика Благочестивого, выгравированную в Риме; вне себя от радости, Леблан составил Записку, чтобы доказать, что короли Франции имели древнее сюзеренство над Римом».

Монфокон, сначала солдат, облачился в рясу Бенедиктинца, чтобы посвятить себя своему прекрасному Собранию Памятников Французской Монархии [7]: доспехов, гербов, ста-

туй, лежащих на гробницах или помещённых под порталами соборов. Это Собрание, опубликованное в начале царствования Людовика XV, позже было поддержано г-жой де Помпадур, столь хорошей художницей самой, превосходно гравировавшей: маркиза питала большой вкус к виньеткам и украшениям рукописей. Пять томов in-folio Монфокона были посвящены Людовику XV. Письмо Монфокона Королю находится в начале первого тома. Примечательно, что почти все серьёзные собрания учёных трудов датируются этим царствованием, которое называют легкомысленным.

Отец Клемент предпринял с монахами Конгрегации Сен-Мор колоссальный труд Истории литературы Галлии и первобытной Франции [8]: нужно было сближать, анализировать памятники, сравнивать, переводить тексты, знакомить с духом рукописей, следить за прогрессом языка, поэзии. Бенедиктинцы не отступали ни перед каким трудом, усилием: столь прекрасные работы завершались духом сообщества и уединения – величайшей силой во все эпохи.

На вершине этого холма, где ныне возвышается холодный Пантеон в его греческих и римских формах, с голыми стенами, языческими алтарями, тогда простирался монастырь Геновифанцев, восхитительное уединение с его садами груш, вишен, общим колодцем под миндальным деревом, виноградниками на шпалерах. В глубине стояло обширное здание, состоящее из келий, чистых и оштукатуренных дортуаров: там жили трудолюбивые Геновифанцы. Несколько лет назад библиотека Святой Женевьевы ещё занимала это здание; учёный испытывал некое трепетание при виде этих масс in-folio, расставленных на полках длинными рядами; всё носило монограмму Святой Женевьевы. Глубокое молчание царило в галерее, едва нарушаемое отдалёнными шагами редких посетителей; там завершались прекраснейшие труды учёности.

Ещё более богатой библиотекой была библиотека Сен-Жермен-де-Пре, другого аббатства ордена Бенедиктинцев: «Монахи, как пчёлы в улье, – говорил Мабильон, – работали непрерывно». Самые редкие, самые прекрасные греческие, латинские собрания выходили из печатного станка их типографии; монахи были её рабочими; монастырь простирался от Сены до Люксембурга, как аббатство Сен-Жермен-л'Осеруа – от улицы Тампль до Марэ; старые башни освещались тем же солнцем: при Карле Лысом они защищали Париж от норманнов; поэма монаха Аббона свидетельствует о героических подвигах монахов против скандинавских пиратов.

В центре двух аббатств находилось великое хранилище науки для истории, монастырь Блан-Манто [9], где жил отец Мабильон, бывший для Франции тем же, чем Муратори был для Италии. Отец Буке также готовил там своё собрание; полный скромности, Букет часто отступал перед своей огромной работой; требовались неоднократные визиты канцлера Д'Агессо и настоятеля Конгрегации, чтобы победить его робость. Фиолетовая сямарра Канцлера не раз смешивалась с белыми мантиями монахов.

На пыльных полках монастырских библиотек сияло собрание Болландистов [10], огромный труд [11]. Конечно, Болланд и досточтимые Отцы из провинций Антверпена и Мехелена не думали, что трудятся для гражданской и политической истории. Собирая легенды житий Святых, они совершали акт благочестия и почитания; и оказалось, что это собрание – самое драгоценное из всех для частной жизни и истории нравов Средневековья. Святые смешивались с народом, с ремёслами, с управлением; агиограф таким образом посвящал вас в общественную и частную жизнь общества, в котором они жили. С особой тщательностью в своём Собрании историков Франции отец Буке включал выдержки из Болландистов, обладавшие огромной при-

влекательностью. В Новое время один очень скептический учёный настолько увлёкся Болландистами, что говорил с искренностью: «Дайте мне эти толстые тома, запирайте меня в келье, и я буду счастлив и удовлетворён». Собрание Болландистов тем любопытнее, что чудесные происшествия чудес оставлены в неприкосновенности; они были колористами в стране, породившей Рубенса; Болландисты заставили забыть *Acta sanctorum* Мабильона, труд холодной и почти философской критики.

Метод вырезания выдержками из Григория Турского, Фредегария, конечно, несовершенный, отец Буке также применил к Хронике Сен-Дени, разрезанной по эпохам: Хроника Сен-Дени – это история Франции, окрашенная песнями о деяниях. Она была собрана с большим старанием в царствование Карла V или Карла VII; самые старые рукописи не восходят далее четырнадцатого века; её считали драгоценной Хроникой Франции, с таким характером достоверности, что её признавали правоведы и Парламент. Чем объяснить её большой успех в четырнадцатом и пятнадцатом веках? Тем, что эти Хроники были национальными и исполненными энтузиазма к Франции; их собирали в злосчастную эпоху, когда английская оккупация усиливалась нашими несчастьями и гражданскими войнами: монахи Сен-Дени, аббатства, по сути французского, хранителя орифламмы, собирали все факты, все деяния, которые превозносили славу униженной родины, напоминая о славном воспоминании правления Карла Великого, Роланда и его палатинов. Когда Дюнуа, Таннеги Дюшатель хотели освободить Францию от английской оккупации, вечером у очага старых замков они читали о некоторых героических подвигах баронов и рыцарей, восклицая: «Это читается в Хрониках Сен-Дени».

Для повествования о царствовании Хлодвига Хроники следовали и переводили книги Эмона, написанные при Карле Лысом. Эмон был скорее не сухим, бесплодным хронистом, а переводчиком Песен о деяниях, который оживлял царствование Хлодвига: монахи Сен-Дени предпочитали его всем другим; форма хроник поддавалась этим раскраскам; язык был наивен, искренен, очарователен: очень легко понять, как Лакурн де Сент-Палей, граф де Келюс увлеклись этим языком четырнадцатого и пятнадцатого веков, столь гибким, и Хрониками Сен-Дени с их вставными эпизодами. Два брата Сент-Палей, родившиеся в один день, близнецы сердцем и учёностью, жили одной жизнью; они посвятили себя памятникам французского языка; граф де Келюс обожал рыцарские романы. Их труды облегчались гигантским трудом Дюканжа и его неподражаемым Глоссарием [12]. Каждое слово Средневековья объяснялось там, комментировалось в специальном рассуждении; огромный труд, который дополнили Балюз, Мабильон [13] и отец д'Ашери в своём *Spécialège* [14]. Все эти выдающиеся учёные работали по долгу, без тщеславия, без вкуса к свету, как те художники шестнадцатого века, которых поддерживала лишь вера в свои произведения. Таковы главные памятники, которые мы консультировали для написания истории Хлодвига и Первой Династии.

Но это предисловие не должно ограничиваться царствованием Хлодвига (специальным предметом настоящего тома): оно должно также ознакомить с целым произведением и целью, которую ставит себе автор: нужно дать общую программу Истории Франции, которая протянется с четвёртого века до Нового времени. После Хлодвига и Меровингов начинается каролингский цикл, открывающийся с особой величием: есть два Карла Великого, один чисто исторический, другой, так сказать, порождённый Песнями о деяниях. Хроника-легенда Эйнхарда – словно биография старого Императора с седой бородой, с короной на челе и скипетром в руке. Эйнхард, его секретарь, написал его жизнь; влюблённый в дочь Императора, кроткий Эйнхард переносил её на своих плечах в сады дворца в Ахене сквозь лютые морозы, чтобы её маленькая ножка не оставляла следов на снегу. После рассказа Эйнхарда хроника Турпина долгое время принималась за самую истину: Франция всегда любила поэтизировать свою

славу. Турпин рассказывал о подвигах паладинов, о печальной и гигантской экспедиции в Ронсеваль, где погибли Роланд, Ожье Датчанин. Песни о деяниях повествуют историю четырёх сыновей Эмона, восседавших на коне Байяре. Не следует презирать эти хроники, героическую часть царствования Карла Великого. Для администрации этой великой Империи необходимо постоянно обращаться к Капитуляриям, труду полного законодательства, опубликованному Балюзом, также великим учёным [15]. Балюз посвятил себя изучению публичного права; его примечания к Капитуляриям Карла Великого предполагают превосходный ум, полный занятий Римскими Кодексами.

Ночь вновь наступает после этого чудесного дня Карла Великого. Доходим до варварской сухости хроник Рауля Глабера, столь легковверного, что он повсюду видит феномены, чудеса после мрачного ужаса тысячного года. То, что тогда заменяет исторические рассказы, – это Хартии, Картулярии аббатств, пока Средневековье не изрекает великий крик: Крестовый поход, того хочет Бог! На этот громкий призыв бароны, рыцари отправляются, с крестом на груди. В этом паломничестве Крестоносцы видят блистательные города Греции и Малой Азии, Константинополь, Никею, Палестину: восточное солнце вдохновляет хронистов. Есть некая поэзия в Робере де Ножан, Раймунде д'Ажиле, чаде *langue d'oc*, создавшем поэму о святом копье, предшественнике Тассо. Гийом Тирский, восточный, – благочестивый хронист Крестовых походов. Рассказы Виллардуэна, Жуанвиля, красочные как витражи, отмечают переход от простой Хроники к Мемуарам: затем идут Песни Тибо, графа Шампанского, идеального трувера королевы Бланки Кастильской, матери святого Людовика; трубадуры воспевают дальние экспедиции. Ничто лучше не освещает феодальное общество, чем эти произведения поэтов, очевидцев, проникнутых духом времени. Для серьёзных вещей истории святой Людовик диктует свои Установления, а Этьен Буалева, прево Парижа, дополняет их своей Книгой ремёсел.

Мы уже далеко от царствования Хлодвига; но история едина: человеческий род подвергается лишь изменениям, он преобразуется и не умирает; это змей, кусающий себя за хвост. Радостные песни труверов и трубадуров, столь полные прелести, готовят Фруассара, чьи рассказы знакомят нас с жизнью замков, празднествами, турнирами; весёлый оруженосец, он всё видел, всё слышал. Монстреле дополняет Фруассара: если он менее живописен и блестящ, он обрамляет свои рассказы официальными документами, собранными в книгохранилищах и архивах. Приближаемся к судебной эпохе Ордонансов Карла V: чувствуется приближение Парламента. Когда англичане правят в Париже после наших гражданских войн, хранилища наполняются историческими документами, ибо Чёрный Принц был очень формалистичен, как и сеньоры Гиени. Если исключить Жювенала дез Юрсена, хроники весьма пусты. Чтобы познакомиться с правлением английских королей во Франции, учёный, о котором мы уже говорили, г-н де Брекиньи, опубликовал учёные рассуждения. Людовик XV, победитель при Фонтенуа, живо заинтересованный этими изысканиями, приказал собрать все факты, все обстоятельства борьбы, начавшейся за века до того против англичан. В Лондонском Тауэре хранилось множество любопытных документов о царствованиях Карла VI и Карла VII. Г-н де Брекиньи был назначен Королём с миссией исследовать это драгоценное хранилище, служившее для трудов Раймера. Можно прочесть в Мемуарах г-на де Брекиньи о трепете, охватившем его при виде этой груды документов столь значительной, что она образовывала кучу высотой в десять футов и шириной в восемнадцать. Учёный взялся за дело, и из этого хаоса вышло прекрасное собрание, напечатанное в Лувре и столь драгоценное для истории.

При царствовании Людовика XI Ордонансы становятся очень обильными; они образуют четыре тома *in-folio*, прокомментированные маркизом де Пасторе. Людовик XI специально

занимается буржуазией, корпорациями ремесленников; что же до живописной части царствования, она целиком содержится в Филиппе де Коммине, рассказывающем о тайнах замка Плесси-ле-Тур с такой наивностью и спокойствием, что его можно принять за сообщника короля.

Валуа – отважная, рыцарственная раса: их царствование смешивается с Реформацией, временем рассуждений и вооружённой борьбы: беспристрастность невозможна. Реформация нападает на Церковь, католики защищаются. Письма Лютера и Кальвина освещают гражданскую войну; нет абсолютной истины; пишут лишь со страстью; подлинный спор между воспламенёнными душами, это уже не хроника, а полемика и стычки оружия.

С Реформацией кончается Средневековье и начинается Новая история. В переиздании наших трудов об этой эпохе мы попытаемся ввести новшество. Подобно истории Средневековья, мы присоединим дипломатические документы к нашим простым рассказам, чтобы придать им достоверный и официальный характер. Доказательства – великий элемент истории: так работали Бенедиктинцы. Произведение фантазии проходит, труд, написанный на основе документов, остаётся силой учёности, почерпнутой из Хартий, Дипломов, Медалей. Я всегда спрашивал себя, как не дрожит рука у историков, врагов Религиозных Орденов, когда они открывают рукописи, которые те открыли, сохранили и которые одни позволяют им осуществлять их труды.

Вместо того чтобы подражать им, я призыву великие имена учёных. Поддержите мои усилия, отцы нашей истории: отец Мабильон, столь скромный; Дюканж, давший жизнь нашему старому языку своими глоссариями; трудолюбивый отец Буке, собиратель хроник; Бонгар, дворянин Генриха IV, великий учёный, который с гордостью написал: «Деяния Божии через франков» [16], собирая хроники крестовых походов; отец Бриаль, указавший мне как на вечный образец на «Историю Лангедока» отца Левика и отца Вэссета. Прежде, когда существовали провинции, обширные округа, подлинные национальности, Штаты голосовали за средства на прекрасные книги о Провинции, откуда произошли Истории Лангедока, Бретани и Бургундии. Все эти вещи, конечно, давно прошли; нынешние поколения не любят тревожить тени; но легенды Средневековья всё ещё очаровывают нас. Хроника Турпина о бедствии в Ронсевале – это бюллетень Ватерлоо каролингского эпоса. Французская нация имеет прекрасную историю; не следует принижать прошлое, чтобы слишком прославлять настоящее. Мне простят, если я увлечён старыми хрониками, паладинами, пленными собраниями, турнирами, реликвариями, вокруг которых развивалась наша национальная история. Не забудем, что гробница святого Мартина Турского была палладиумом нашей славы и убежищем для серфов, преследуемых феодалом.

Эту гробницу, начало нашей национальности, я захотел коснуться и увидеть. В Туре древний собор был разрушен: остались лишь две широкие старые башни, и одна до сих пор носит имя Карла Великого. Через эти руины проложили улицу: на маленькой площади – скромная деревянная часовня, построенная вокруг остатков гробницы святого Мартина: почитание Святого всё ещё живо, пламенно; побеленные стены полны подвешенных вотивных приношений; спускаются в крипту, напоминающую римские катакомбы. Со свечой в руке можно видеть следы национальной гробницы цивилизатора Галлии [17].

Несколько месяцев назад я был в Реймсе под порталом собора, где столько фигур королей предстают в своих длинных одеяниях. Созерцая их, мне казалось, будто я вижу, как вся история Франции разворачивается на каменных скрижалях. Мне показали в сокровищнице епископ-

ский крест святого Ремигия, подаренный, как говорили, Хлодвигом. Служили великую службу: мне чудилось, будто я слышу архиепископа Гинкмара, поющего *Te Deum* за Карла Великого: на нём была его золотая митра, его греческая риза, его старинный посох. Ладан распространял то благоухание, которое, по словам Григория Турского, привлекло спутников Хлодвига в баптистерий. В Суассоне я искал руины Сен-Медара и лежащую статую королевы Фредегонды, современницы Брунгильды. Через города и деревни, театры событий Первой Династии, на высотах Лана, посреди старого собора, изъеденного временем, я следовал за франками Хлодвига, с фрамеей в руке. Пересекая леса Вилле-Котре и Фонтенбло, я вспоминал рассказы хроник, лай молоссов, преследующих тура и чудовищных кабанов. Так воображение окрашивает историю; оно заставляет нас жить в прошлом, и это – величайшее счастье для учёного.

Реймс, август 1869. Тур, март 1869.

[1] Святой Мартин Турский жил до прихода франков в Галлию: его имя и его гробница стали объектом большого почитания для франкских королей. В качестве канцлеров были святой Элой, святой Уэн, святой Арнульф, святой Леодегарий и др.: всех их можно считать министрами королей.

[2] Несколько предметов, найденных в гробнице, были собраны в музее Лувра (зал Меровингов). Массивные серьги, как нам кажется, принадлежат римской эпохе: ножны меча – византийские, как и две митрованные фигуры на медалях. Пчёлы стали предметом длительного спора. Подлинно франкским, варварским является боевой топор и остаток заржавевшего меча.

[3] Подготовительные исследования длились сорок лет до публикации первых томов.

[4] Отец Буке опубликовал в 1738 году два первых тома: затем последовательно ещё шесть других томов *in-folio*.

[5] *Diplomata, chartæ, epistolæ et alia monumenta ad res Francicas spectantia*, 3 тома *in-folio*. 1791.

[6] *Traité historique des Monnaies de France depuis le commencement de la Monarchie jusqu'à présent*, 1690, *in-4°*.

[7] *Les Monuments de la Monarchie française*, 1729—33, 5 томов *in-folio*.

[8] Отец Клемент лишь подготовил к изданию XI том «Истории литературы» (XII век). Его главным трудом была значительная работа «Искусство проверять даты», третье издание, более полное, чем предыдущие. Он опубликовал первый том в 1783, второй в 1784 и третий в 1787 году, *in-folio*. Отец Клемент, помогаемый отцом Бриалем, также опубликовал XII и XIII тома «Историков Франции».

[9] Именно в этом монастыре готовились и печатались тома «Истории литературы Франции».

[10] *Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur*, *in-folio*. Первые два тома вышли в Антверпене в 1643 году.

[11] Болландисты столь востребованы, что сегодня за красивые экземпляры платят до 15 000 франков.

[12] *Glossarium ad scriptores mediæ et infimæ latinitatis*; первое издание – Париж, 1678, 3 тома in-folio: оно было переиздано во Франкфурте, того же формата; затем в 1710 году. Отец Карпантье, член конгрегации Сен-Мор, опубликовал другое издание, с 1733 по 1736 год, 6 томов in-4°; он написал к нему предисловие и сделал многочисленные дополнения.

[13] *Acta sanctorum ordinis S. Benedicti in sæcula distributa*, Париж, 1668—1702, 9 томов in-folio.

[14] *Veterum aliquot scriptorum qui in Galliæ bibliothecis, maxime Benedictinorum latuerant, Spicilegium*, Париж, 1633—1677, 13 томов in-4°.

[15] *Regum Francoꝝ capitularia*, 1677, 2 тома in-folio. Лучшее издание было дано г-ном де Шиниаком; оно 1780 года, того же формата.

[16] *Gesta Dei per Francos*, Ханау, 1611, 2 части в 1 томе in-folio.

[17] Было основано благочестивое общество для восстановления собора в Туре. Уже собрано один миллион по подписке. Учёный директор этого общества, скромный молодой облат, аббат Рей, объяснил мне в мельчайших подробностях достопримечательности гробницы. Когда я выразил удивление по поводу чудесной веры в чудеса святого Мартина Турского, он показал мне вотивный предмет: это был дар скептически настроенного врача, который, не сумев сам исцелить своего ребёнка, обратился к святому Мартину Турскому и получил верой то, чего не смогла совершить наука; вера – столь великая сила даже в гражданской истории: сколько чудес совершила вера в Республику и Наполеона: разве «Марсельеза» – не великий гимн, совершивший свои чудеса?

КНИГА I. – ВАРВАРСКАЯ ЕВРОПА. – КЕЛЬТСКАЯ И РИМСКАЯ ГАЛЛИИ

Огромная территория, простиравшаяся от Меотидского болота до Германии, Ютландии Скандинавии, Батавии, Галлии, была заселена множеством племён, объединённых общим названием кельты [1]. Не было ли это искажением слова скиф, которое, перейдя в гортанный язык, стало бы произноситься кельт (цельт): возможно, следует видеть в этом одно из тех общих обозначений, которые римляне давали группам варварских народов: Страбон, точный географ, говорит: «Народы, известные в северных странах и сперва названные скифами или номадами, как видно у Гомера, впоследствии и когда узнали западные страны, начали называться кельтами» [2].

Эти народы обитали в необъятных пустынях, покрытых дубами и соснами: (таков был Герцинский лес [3]). Люди пребывали в первобытном состоянии, с длинными волосами, нестриженной бородой, вооружённые топорами из кости или грубыми деревянными дротиками: никакой обработки земли, охота, поддерживавшая кочевые привычки, жестокие упражнения; никакой любви к земле, постоянная война, естественный характер всех автохтонных семей; и в этих лесах – породы животных, полностью исчезнувшие: бык в форме оленя с одним рогом, чёрные лоси, столь дикие, что никогда не ложились, тур, своего рода бык размером со слона, страшный противник человека; молосс, огромная собака, не боявшаяся схватки со львом [4].

Крутой ландшафт, должно быть, претерпел недавние катаклизмы: у маленьких островов Датского Бельта земли разорвались от вулкана; во Фрисландии почва была затоплена морем: Дунай и Рейн изменили свои русла; Альпы содержали пояс кратеров, всё ещё пылавших, горы Оверни извергали свои лавы: повсюду источники тёплых и минеральных вод. На берегах Бретани видели спонтанное возникновение островов, поднимавшихся среди бурь: гора Белен [5], согласно преданиям, вышла из моря со своими крутыми скалами; континенты исчезали, как знаменитая Атлантида, столь прославленная у древних: остров бриттов и пиктов был окаймлён с такой правильностью, что мог сопоставить свои заливы, свои мысы с берегами Галлии и Бретани, как две половины одного континента.

Тацит в своей восхитительной книге О происхождении и местоположении германцев, написанной во времена Рима цезарей, создал сатиру, полную намёков на выродившийся римский народ. Историк, воспитанный в стоической школе, превозносит суровые и сильные привычки варваров, чтобы противопоставить их, как контраст, унижительным обычаям Рима в упадке. Германцы были ветвью великого кельтского древа, чьи обширные ветви простирались на севере и в центре Европы. С небольшими нюансами у всех находятся первобытные легенды об Одине, Торе, Фрейе из Скандинавии; лишь различие территорий создало особые привычки у каждого племени. Германцы-кочевники занимались охотой, выпасом, стадами; скандинавы, окружённые морями, были страстными любителями морских экспедиций и пиратства: море, вздымаемое бурей, непрестанно ревело под небом, омрачённым снегом; морские чудовища приходили резвиться у берегов; крепкие пироги плавали в гиперборейских морях, скандинавы знали Исландию: сами предания рассказывают, что они достигали Гренландии и крайнего севера Америки [6].

В непрерывном перемещении племён было бы очень трудно точно определить территорию, занятую собственно галлами [7], но в ту эпоху, когда римляне начали беспокоиться

об их миграции, то, что называли Галлией, охватывало примерно провинции, образующие ныне Францию, плюс часть Бельгии до Рейна, Швейцарию до Высоких Альп. Эта необработанная, как Германия, территория была вся покрыта мрачными лесами, пересечена многочисленными реками, затоплена болотами; несколько хижин, сгруппированных вместе, образовывали поселения, покидаемые, отвоёвываемые, оставляемые в непрерывных миграциях. Культ был мрачным, человеческие жертвы приносились на каменных алтарях: кровь текла по чёрному жёлобу. Друиды владели некоторыми легендарными преданиями, которые они пели или преподавали в дубовых лесах, где священная омела смешивалась с душистой вербеной.

Александрийская школа, всегда окрашивавшая мистицизмом религиозные традиции народов, возвышала друидизм до чести системы философии и совершенной мудрости, как у жрецов Египта, Сирии, Персии и посвящённых в культ Митры. Диодор Сицилийский смешивает имя Геркулеса с историей Галлии: «Рассказывают, – говорит он, – что Геркулес был любим дочерью царя Кельтики, у него был сын по имени Галат; он дал своим подданным имя галатов, а стране своего владычества – имя Галатия, или Галлия» [8]. Повсюду встречается миф о Геркулесе, укротителе и цивилизаторе. Басня о кентавре Хироне, конюшнях Авгия, лернейской гидре – разные стороны древней борьбы некоторых героев против варварства [8].

Живые следы культа друидов находятся главным образом в Бретани. На равнинах Карнака до сих пор стоят глыбы камней, выстроенные параллельными рядами вдали от всякого известного карьера [9]; это гигантское чудо – не результат природного катаклизма; вулкан не мог произвести столь правильное сооружение. Какая же толпа гигантов сдвинула эти камни, чтобы образовать из них алтари, покрытые трещинами, из которых струилась кровь человеческих жертв? Памятники равнины Локмарьяке ещё глубже хранят следы человеческой руки. Странная земля Бретань, где культ друидов был в своей дикой мощи! Остров Сен был обителью пророческих божеств, властительниц бурь. Гора Белен, посвящённая Белену, была населена феей рифов; самые плачевные, самые печальные имена шептались в лесу слёз, густой роще, где совершались жертвоприношения. Те, кто искал в друидах мыслителей и цивилизаторов, никогда не путешествовали по этим мрачным краям, усеянным отвратительными алтарями [10], пропитанными кровью человеческих жертв.

Эта варварская жестокость царила столь же глубоко среди племён великого острова бриттов и пиктов, напротив Галлии; самое могущественное из этих племён называлось брейт (на первобытном языке – раскрашенные), эти островитяне раскрашивали лицо и тело. Отважные мореплаватели-карфагеняне и тирийцы знали острова Баратанак (на пуническом языке – оловянная земля), потому что олово, собранное у самой поверхности земли [11], было предметом большой торговли; если на побережьях и была некая цивилизация, за этими пределами первобытный дух сохранялся в диком состоянии; согласно Плинию и Страбону, вид туземцев был ужасен: длинные нечёсанные волосы ниспадали до пояса; некоторые зачёсывали их на голову (как команчи Америки); они не носили бороды; покрытые шкурами, содранными с буйволов и морских волков, они были вытатуированы синим. На необработанных полях они пасли стада, истребляя друг друга в ожесточённых битвах. Таковы были бритты.

Карфагеняне, хозяева торговли с Испанией, принесли немного цивилизации среди племён, расположившихся лагерем между Пиренеями и столпами Геркулеса; отважный мореплаватель Ганнон, после того как проплыл вдоль берегов Африки, посетил берега Бретани и Фрисландии. Испания обладала самой богатой почвой на драгоценные металлы, серебряные рудники, легко разрабатываемые, делали её как бы богатой страной Гесперид [12]. Следует даже полагать, что басня о Ясоне и завоевании Золотого руна была лишь рассказом о первом

путешествии открытий к столпам Геркулеса; подлинными аргонавтами были тирийцы и карфагеняне; Геспериды должны были быть Португалией (Portus-Galiæ, врата Галлий).

Галлы среди кельтов были племенами по сути своей мигрирующими. Сократитель римских анналов, столь точный Юстин, повествует, что уже при Тарквиниях множество в триста тысяч галлов [13] хлынуло, как поток, одно – в Паннонию, другое – в Италию. Плутарх добавляет, что эти варвары были высокого роста, воинственны и способны донести своё оружие до края света [14]. С ними шли их жёны, их дети (о стариках у варваров никогда не было речи). Галлы сначала обосновались на отрогах Приморских Альп, но жаркие лучи солнца стали невыносимы, и они искали новый лагерь на земле клузиниев (Тоскана) у подножия Апеннин; их двух вождей звали Сиговез и Белловез [15].

В 363 году от основания Рима возвысился Бренн, великий среди галлов, происходивший из суассонского племени, обосновавшегося на севере Галлии, где позже были построены Лютеция и Суассон (Суассон – древнейший из городов); во главе новой галльской колонии Бренн дошёл до берегов Адриатики, между Метавром и Рубиконом; не колеблясь, он вторгся на земли римлян; и, когда сенат спросил у них, по какому праву они захватывают Равенну и Пицен, Бренн гордо ответил: «Что это право он носит на острие своего меча и на лезвии своего топора» [16]. Бренн со своими галлами двинулся на Рим, сенат напрасно противопоставил ему армию; её рассеянные остатки нагнали ужас до самого Капитолия. Сенат хотел остановить завоевателей, явив величественность своих торжеств: восемьдесят старцев с белыми бородами, сидящие на курульных креслах, ожидали варваров вокруг храма Юпитера. Один галл, насмешливого ума (таково было всё племя), потрогал бороду одного из этих старцев, неподвижных, как статуи; сенатор ударил его своим жезлом из слоновой кости: это был сигнал к резне [17].

На одной из высот Рима возвышался Капитолий, одновременно храм и крепость, подобно Парфенону в Афинах; самые храбрые из молодых римлян заперлись там. Рим, обращённый в пепел, галлы попытались захватить Капитолий; глубокой ночью они попробовали взобраться на скалы, нагромождённые вокруг храма. Диктатор Манлий, разбуженный криком священников, бросился на стены, и Капитолий на какое-то время был спасён; наконец, истощённые голодом и нуждой, римляне попросили откупиться; за тысячу фунтов золота Бренн согласился очистить завоёванные земли. Тит Ливий, остроумный составитель легенд о первых временах Рима, рассказывает, что галлы принесли неверные гири, и как трибун Сульпиций пожаловался на это, Бренн нагло бросил свой меч на весы, воскликнув: «Горе побеждённым!» [18]

Таковы были галлы, наши отцы, победители латинской и греческой расы. Другой Бренн вторгся в Македонию через пропасти и горы [19]. Дельфы были спасены одним из тех чудес богов, которые умножала изобретательная мифология: землетрясение, яростная буря покрыла сражающихся тёмным покровом: галлы вернулись в беспорядке в Паннонию; двадцать тысяч этих завоевателей под предводительством Лутатия (уроженца Лютеции) спустились до Византия. Призванный Никомедом, царём Вифинии, Лутатий колонизировал плодородную страну, которая получила название Галатия, или Галлогреция [20].

История фокейской колонии особенно любопытна, потому что Марсель был вратами, через которые римляне проникли в Галлию. В 530 году до Рождества Христова (пятьдесят седьмая олимпиада), при Сервии Туллии, фокейские мореплаватели [21] высадились между Роной и Варом; хорошо принятые галльским племенем побережья, фокейцы породнились через браки: вскоре им пришлось сражаться с лигурийцами, их соседями, и аллоброгами, племенем Альп; фокейцы основали другие колонии в Ницце, Антибе и Агде вплоть до Арля

и Монпелье [22]. Рим, союзник фокейской республики, восхвалял её нравы, её учреждения, плодородие её земель, её виноград, висящий на лозах, её хорошие фиги, её оливковые рощи [23]: Марсель оставался верным союзником Рима в борьбе против Карфагена. Историк Юстин говорит: «Марсельцы, заключив союз с самого начала с римлянами, исполняли его обязанности с величайшей верностью» [24]. Депутаты Марселя, возвращавшиеся из Дельф, куда они были посланы с дарами Аполлону, узнали, что Рим был сожжён галлами; эта новость погрузила марсельцев в глубокий траур; они поспешили собрать как из общественной казны, так и из частных пожертвований всё золото и всё серебро, необходимое римлянам, чтобы заплатить галлам сумму, потребованную ими как цену мира.

Экспедиции Ганнибала поддерживались галлами. Эта поддержка объясняет его смелый марш от Пиренеев до Альп: Ганнибал вёл за собой почти все галльские племена: лишь марсельская республика приняла сторону против Карфагена. Римский сенат даровал ей титул сестры [25]. Она предоставила ему помощь для отражения лигурийцев, расположившихся лагерем на территории Генуи, Ниццы и Прованса. Консул Квинт [26] Опимий распределил земли лигурийцев среди марсельцев: два легиона разместились на Варе, чтобы защищать их [27], в то время как проконсул Секстий, на некотором расстоянии от Марселя, в стране, сплошь пропитанной горячими источниками, основал колонию под названием Аквы Секстиевы (Экс) [28]. Нужно было опереть эту колонию на Италию: Рим начал войну против аллоброгов, объединившихся между Роной, Изерой до Женевского озера.

Аллоброги имели союзников среди галлов центра: арверны (овернцы). Консул Квинт Фабий отбросил их к берегу Изеры после великой резни. Рим не включил сперва Овернь в свою территорию, нужно было продвигаться постепенно. Что касается аллоброгов, их земля примыкала к Альпам и Италии; она была присоединена к тому, что римляне начали называть Провинцией (позже Прованс). С берегов Роны отправился консул Марций Нарбон, чтобы основать новую римскую колонию под названием Нарбонна.

651 год от основания Рима был отмечен великим вторжением кимбров и тевтонов (кельтов-германцев). Эти варвары нашли союзников среди галлов: самые воинственные, тектосаги, имели главным городом Тулузу. Марий атаковал их на равнинах Крау или у подножия горы Сент-Виктуар [29]: их кости побелели на земле на протяжении нескольких лье. Тектосаги покорились, так что Провинция, расширенная, включила территорию, простирающуюся от Женевского озера до Изеры, с колонией Экса, Верхним и Нижним Лангедоком, Нарбонной и Тулузой; Овернь осталась лишь данницей, никогда не отделяясь от Рима. Твёрдая и энергичная организация римлян внесла порядок, силу, цивилизацию, повиновение в завоёванную Галлию. Марий завершил организацию римской Провинции.

Важно было точно определить состояние галло-римских владений, чтобы справедливо оценить кампании Цезаря в Галлиях. Марий, подвергнутый проскрипции, никто уже более не говорил о его победе над кимбрами, которая спасла римские колонии: униженный сенат даровал Цезарю все почести триумфа после его экспедиций, столь слабо проведённых, перемежавшихся неудачами, дважды бессильных в Германии и Британии и поглотивших двенадцать легионов. Цезарь, писавший свои «Записки», не имел ни опровергателей, ни критики: когда сенат помещал его среди небесных созвездий, кто бы осмелился противоречить Цезарю? Юлий Цезарь, соперник Катилины, потерявший честь и погрязший в долгах к концу своего триумvirата с Помпеем и Крассом, получил управление Галлиями [30]. Он был в Риме среди интриг своих друзей в сенате, когда гельветы (швейцарцы) покинули свои горы, чтобы искать поселения в центральных Галлиях: Цезарь поспешил, чтобы защитить их. Эта экспедиция среди

Альп встретила препятствия: гельветы отчаянно защищались; молодые, сильные спустились по Верхнему Рейну, чтобы укрыться в Германии [31].

Цезарь последовал за гельветами в их отступлении до земель германцев, доблестных племён, которые под началом своего вождя Ариовиста пришли на Рейн. Цезарь выжидал, вёл переговоры, чтобы дождаться своих рассеянных легионов; как только он смог располагать своими силами, он дал битву близ Бельфора. По примеру германцев белги, самые отважные среди галлов, перешли Самбру, и с ними фризы, народ странный и свирепый, весьма страшный для суассонцев и племён Марны и Сены, несколько цивилизованных соприкосновением с римской Провинцией; союзники Цезаря, они двинулись против белгов. Расположения были медленными и запоздалыми; на Самбре римская армия, застигнутая врасплох, героически защищалась с огромными потерями; дисциплина, настойчивость, мужество легионов наконец обеспечили победу.

После этих робких умиротворений Цезарь вернулся в Рим, где его ожидали триумфальные арки, благодарения бессмертным богам. Поддерживали его диктатуру; его легаты продолжали более удачные экспедиции против разделённых галлов; эти племена сражались поодиночке, одно за другим и иногда даже одно против другого. Гальба [32] обеспечил свободный путь через Альпы среди гельветов, и Красс захватил страну наннетов (Нант, Бретань). Бритты, отважные мореплаватели, привыкшие к бурям, были ещё менее известны римлянам, чем галлы. Цезарь, задержанный в Риме своими политическими интригами, написал молодому Крассу, чтобы подготовить на Луаре постройку длинных кораблей [33] и галер на вёслах, способных сразу выйти в море. Ладьи бриттов были снабжены таранами, прочно сколочены; их паруса из дублёной овечьей кожи сопротивлялись сильным северным ветрам и бурям Бискайского залива. Чтобы их брать на abordаж, римляне использовали железные крючья, которые разрывали эти паруса; поскольку бритты не были привычны к вёслам, галеры взяли верх. Цезарь прибыл в лагерь лишь тогда, когда эти работы были завершены; он оставил заботу о них Бруту, молодому патрицию, которому предстояло поразить его у подножия статуи Помпея [34]. По мнению Цезаря, галльская Бретань могла быть покорена лишь тогда, когда она больше не будет получать помощи от того великого острова, что раскинулся напротив, как морское чудовище. Он также полагал, что провинции центра Галлий останутся беспокойными, пока германцы не будут укрощены: две экспедиции были поэтому решены одновременно. Легионы за несколько дней перебросили обширный мост через Рейн напротив Кёльна. Эти ветераны были одновременно понтонёрами, моряками, строителями. Цезарь перешёл Рейн напротив густых лесов и заражённых болот. Германские депутаты, поспешившие ему навстречу, сказали ему: «Зачем ты переходишь Рейн? Эта земля наша, как Галлия твоя». Предупреждённый таким образом, Цезарь, почти не сражаясь, поспешил заключить договор с германцами.

Экспедиция против Англии позвала Цезаря на Луару, где его легаты подготовили флот: лишь два легиона были погружены на семьдесят вёсельных галер. Римляне плохо знали приливы и отливы, течения и бури Ла-Манша; позади нескольких цивилизованного населения побережья стояли лагерем толпы автохтонов: застигнутые приливами Темзы, легионы были разорваны ударом колесниц. Цезарь, вынужденный оставить остров бриттов, как он эвакуировал Германию, вернулся в Нант, чтобы совершить второе путешествие в Рим, где его ожидали народные интриги [35]. Посреди взбудораженного Рима Цезарь не переставал писать Бруту, Кассию, Цицерону, рекомендуя им строить новые корабли, способные бороться с открытым морем и приливами. Прибыв в лагерь, всё было готово для погрузки пяти легионов и пятнадцати когорт [36]. Они высадились у Темзы: по мере продвижения римлян варвары отступали в леса, унося припасы, перерезая коммуникации; буря пришла им на помощь, и Цезарь должен

был вновь отказаться от своей экспедиции. Эти неудачи римлян на острове бриттов благоприятствовали всеобщему восстанию галлов. Легион Сабина был полностью вырезан [37]. Цицерон, легат Цезаря, окружённый восставшими племенами, укрылся за сильными укреплениями, какие умели делать легионы. Цезарь вновь поспешил из Рима на слух об этом восстании, распространявшемся от окраин к центру: от Льежа и Трира до земель Санса, Шартра и Орлеана; эти народы, собравшиеся вокруг Лютеции, Цезарь успокоил словами и обещаниями. Он пообещал общее собрание Галлии, публичное свидетельство свободы и национальности; с тех пор он смог двинуться на Рейн; повсюду он находил стойкое, упорное сопротивление. Экспедиция в Германию провалилась, как экспедиция в Англию: у Цезаря было больше честолюбия, дерзости, чем гения. Тогда среди галлов стали циркулировать тысячи слухов о бессилии Рима и раздорах Республики. Вспыхнуло новое восстание: карнаты (галлы страны Шартра) были увлечены арвернами (овернцами), и из этой мощной расы восстал Верцингеториг (великий вождь) [38]: сеноны (Санс), пиктоны (пуатевинцы), кадурки (Керси), туроны (Тур), авлерки (Эврё), лемовики (лимузенцы), анды (анжуйцы) приветствовали его. Верцингеториг принял самые энергичные меры, чтобы собрать в своих руках все власти: от ненадёжных городов он потребовал заложников, от верных – жертвоприношений. Энтузиазм, нужно признать, не был всеобщим, и сбор Галлии – неполным: Цезарь разделил, ослабил сопротивление; города посылали свою покорность римлянам [39]. Многие галлы предпочитали варварской свободе римскую цивилизацию с её прелестями мягкости и покоя, проникавшую через Провинцию (Нарбонна, Тулуза). Согласно рассказу Цезаря, эти страны были уже покрыты торговыми городами. Вокруг илостой Лютеции были построены города Мелен, Отён, Санс, Орлеан: в рядах армии Цезаря и под титулом союзников находились галлы и германцы [40]. В армии Верцингеторига было много слабых и упавших духом: ловкость Цезаря состояла в том, чтобы привлекать на свою сторону союзников, покупать у них припасы, лошадей и всюду внушать своим легионам, своим когортам ту настойчивость, ту энергию, которые ни перед чем не пасуют; римские солдаты, изобретательные работники, изобретали военные машины; посреди болот они строили подвижные дороги из дерева; одной ночи хватало, чтобы вырубить лес; тысяча легионеров укрывалась от стрел под крышей из ивняка.

Операции этой последней кампании Цезаря ограничились узким кругом между Парижем, Сансом, Буржем, Орлеаном. Здесь впервые речь идёт об Алезии [41], городе таинственном, подобно тем городам ацтеков, что находят в пампасах Мексики. Алезия должна была быть значительной, поскольку Верцингеториг укрыл там армию в восемьдесят тысяч человек: ныне все остатки исчезли под возделанными полями: лишь несколько золотых ожерелий, цепей, доспехов указывают, что когда-то там существовал знаменитый город, галльская цитадель, живая, одушевлённая. Верцингеториг остался изолированным с армией без дисциплины, составленной из отчаявшихся и уставших: он дал битву; он творил чудеса и проиграл её. Цезарь, неумолимый к тем, кто сопротивлялся, был великодушен к галлам, которые добровольно возвращались под владычество римлян. Верцингеториг поверил в это милосердие: Цезарю было слишком важно закончить войну в Галлиях, чтобы не принять покорность великого вождя. Восседавая на своём трибунале, окружённый ликторами и германской когортой, он принял побеждённых галлов, приветствовавших его своими кликами. Верцингеториг, гордый даже в поражении, по-варварски очень дерзко гарцуя на коне вокруг претория, сложил свой дротик, свой меч к ногам Цезаря. Верцингеториг был обращён как побеждённый; Рим был великодушен лишь с теми, кого больше не боялся.

Всё было окружено великим блеском; Цезарь готовил свой триумф на Капитолии; политик, он хотел осуществить свои планы диктатуры. Тысяча труб прозвучала, чтобы приветствовать победителя и умиротворителя Галлий [42]; преувеличивали важность заслуги, чтобы

получить за неё большую цену. Верцингеториг, прикованный к колеснице победы среди рабов и побеждённых, был предан секире ликторов. Не только внутренние раздоры галлов помогли Цезарю в его умиротворении и завоеваниях, но и очарование римской цивилизации, проникавшей в Галлии со всех сторон; эти муниципии Провинции мечтали лишь о покое, времена энергии кончились. Если кампании Цезаря были так превознесены, то потому, что он и его друзья хотели осуществить его политический триумф. Цицерон, Брут, Красс, которые подготовили покорение Галлий, принадлежали к партии, враждебной Цезарю, о них едва ли говорили в сенате. Подлинный спаситель Галлий, Марий, победитель кимвров, сохранил Провинцию (Provincia). Но слава Мария затмила бы славу Цезаря. В политике превозносят лишь друзей, которые могут послужить [43]. Наша современная история видела столько таких побед, дающих власть: свидетель тому – Маренго.

«Записки» Цезаря, произведение сугубо личное, имеют тем не менее тот большой интерес, что знакомят нас с привычками, топографией Галлий; ошиблись бы, однако, принимая рассказы Цезаря за картину первобытных нравов; с тех пор как была организована римская Провинция, произошла заметная перемена. Ко времени их абсолютного умиротворения галлы приняли от римлян смесь религиозных и муниципальных идей; были построены города там, где ещё недавно существовали лишь земляные хижины, деревянные или тростниковые лачуги. «Записки» Цезаря [44] развивают даже по случаю друидизма систему религии и философии. Поскольку галлы ничего не писали о догмах и преданиях, было бы трудно точно собрать их теогонию и их таинства. Цезарь даже не оставил кельтским божествам тевтонские имена Тевтат, Таранис, Эзус, Белен; он называл их Юпитером, Меркурием, Эскулапом: александрийская школа со своим мистицизмом приписывала друидам теории, преподававшиеся египетскими жрецами, метемпсихоз, как учил Пифагор. Друиды под старыми дубами образовывали коллегию мрачных и непреклонных жрецов. С бардами, или поэтами, были эвбаги, или жертвоприносители, человеческие жертвы падали под их нож: «Кто не знает, – восклицает Цицерон, – что галлы сохранили до сего дня ужасный обычай приносить в жертву людей?» [45]. – «Друиды думают, – добавляет Цезарь, – что наиболее угодными богам жертвами являются люди, совершившие кражи, грабежи или другие ужасные действия, но когда таковых не хватает, они приносят в жертву даже невинных» [46]. Как у всех диких народов, жрецы или прорицатели пользовались безграничным престижем. В мрачных лесах гром, буря были зловещими предзнаменованиями, которые отвращали заклинаниями и жертвоприношениями. Где же найти те коллегии друидов высшей мудрости, которые, согласно одной фантастической школе, цивилизовали Галлии до благотворного действия епископов, великих граждан после римского завоевания. Галлы составляли скорее объединение племён, чем нацию: все эти племена, числом от восьмидесяти до ста, имели отличное имя под предводительством избранного или наследственного вождя; Цезарь даёт название сената собраниям, которые совещались о мире и войне. Подлинные муниципии принадлежат римскому владычеству.

Сложение галлов было высоким, их цвет лица белым, а волосы ярко-рыжими. Вергилий, писавший при Августе, в ту эпоху, когда галлы уже составляли легион вокруг императора, говорит о них так: «Они имеют волосы цвета золота; они сверкают в своих пёстрых плащах (саги), и их шея, белая как у лебедя, отягощена ожерельем» [47]. Украшения, яркие цвета нравились галлам: плащ (сага), эта национальная одежда, сперва из грубой шерсти, затем из богатых тканей, ниспадал, как туника, до колен. На барельефах триумфальных арок узнают галлов по этой одежде; иногда за их спиной висит шкура дикого зверя, по обычаю германцев. В редких первобытных гробницах до римского смешения рядом с гигантскими костями находят топоры, сделанные из кости, мало из железа, несколько колец, маленькие статуэтки богов, грубо обработанные.

Промышленность галлов сводилась к вещам, необходимым для жизни; остатки галльских домов похожи на хижины Новой Зеландии или эскимосов. Чтобы одеться, ткали грубую шерсть и разрезали шкуры диких зверей; стены и укрепления для защиты городов строились из срубленного леса и глинистой земли; нашли несколько боевых инструментов, дубинки, колья, железные крючья. В Галлиях, покрытых рудниками, рабочие, должно быть, знали искусство извлекать металлы: от Пиренеев до Севенн золото, серебро были у самой поверхности земли; реки несли их крупницы. Монет этой первобытной эпохи мало: все принадлежат галло-римскому владычеству. Сохранилось несколько подлинных медалей республики Марселя и двух колоний Экса и Нарбонны, но господствует греческий и римский характер [48]. Когда сорок народов Галлий воздвигли алтарь Августу, они уже были под его владычеством.

Тацит, возмущённый скандальным зрелищем, которое давали в Риме матроны и жрицы Доброй Богини [49], с энтузиазмом превозносил целомудрие женщин Германии, власть, которую они осуществляли в семье и даже в советах народа; саги, песни скальдов прославляли также могущество дев Эдды, но положение женщины у варваров было вообще рабским. Пока сильный мужчина странствовал по землям ради завоевания и охоты, женщина, сидя у очага, готовила пищу, пряла шерсть, ткала одежду. Когда решали мигрировать, женщина следовала, неся ребёнка на спине или ведя за руку на долгих и трудных дорогах (барельефы это подтверждают). Суеверие придавало почтенный характер некоторым жрицам тайного культа, прорицательницам будущего. Согласно Цезарю, Диодору Сицилийскому, Плинию Младшему, историкам августовской эпохи, одежда галльских женщин была белой туникой, ниспадавшей до ног и оставлявшей грудь открытой; они проявляли некоторое кокетство в причёске, в украшениях своей шеи, своих рук; эта роскошь стала даже бесстыдной при римском владычестве, и упоминали матрон Отёна, Нарбонны, Лиона за тонкость их пеплума, богатство их ожерелья, их коралловых браслетов.

Из этого изучения Галлий для нас вытекает убеждение, что не существует никаких первобытных документов об истории, верованиях древних галлов (наших предков) до римлян: всё сводится к систематическим догадкам о культуре и цивилизации Галлий. Приняли ли видения александрийцев, этих мечтателей политеизма, за учения друидизма? Взгляните лучше на чудовищные камни, глыбы Локмарьяке, друидские алтари. Там ещё видны трещины, из которых струйками стекала кровь человеческих жертв: разве цивилизация пришла когда-либо от этих ужасных таинств, которые медленно стирались под влиянием христианства?

Примечания:

[1] Отец Буке в своём превосходном предисловии к великому собранию: *Hist. rer. Gallic.*, привёл все тексты, относящиеся к происхождению галлов.

[2] Страбон, книга I.

[3] Цезарь говорит, что требовалось девять дней, чтобы пересечь Герцинский лес: *Hujus Hercynis silvæ... latitudo novem dierum iter expedito patet.* «Записки», книга VI, глава XXV.

[4] *Est bos cervi figura... Tertium est genus eorum, qui Uri appellantur. Hi suot magnitudine infra elephantos.* «Записки», глава XXVIII. Молоссы ещё существовали во времена Карла Великого.

[5] Ныне гора Сен-Мишель.

[6] Мальт-Брен, глубоко изучивший этот вопрос, собрал доказательства в своей «Географии» (книга XIV): «Заметки об открытии Америки».

[7] Название галлы было полностью принято лишь тогда, когда от названия кельты отказались: *Verum ut Galli appellarentur, non nisi sero usus obtinuit. Celtas cum ipsi se antiquitus, tum alii eos nominabant.* (Павсаний, книга L.) Подлинных галлов греки называли: галаты.

[8] Диодор Сицилийский, книга V.

[9] Камбри насчитал четыре тысячи этих дольменов. Г-н де Ла Совраж в своём «Собрании древностей Галлии» дал их точное описание.

[10] Мы ещё поговорим позже об этой школе, которая хотела приписать друидам честь цивилизации Галлий, чтобы отрицать благодеяния христианских епископов.

[11] Греки давали островам бриттов название Кассетери (олово).

[12] Плиний говорит, что финикийцы, карфагеняне основали многочисленные колонии в Испании... *In universam Hispaniam M. Varo pervenisse Iberos, Phoenices et Pœnos tradit.* Плиний, книга III, глава III.

[13] *Trecenta millia...* Юстин, книга XIV, глава I.

[14] Плутарх, в «Камилле».

[15] Тит Ливий даёт вождям галлов эти имена Сиговеца и Беловеца. Он их явно латинизировал.

[16] Эта сцена с большим искусством описана Титом Ливием, книга V, глава XLVIII.

[17] Полиэн добавляет, что галлы были несколько склонны к вину: *Natura autem celtica gens ad vinum proclivis est* (книга VIII, глава XXV).

[18] *Pondera ab Gallis allata iniqua, et, tribuno recusante, additus ab insolente Gallo ponderi gladius; auditaque intoleranda Romanis vox: Væ victis esse.* (Книга VIII, глава XXV.)

[19] Такова была мужественная гордость галлов, что, согласно рассказу Страбона, они ничего не боялись, кроме падения неба: *Nihil sane, nisi forte cœli casus obruarentur.* (Книга VII.)

[20] Финикийцы уже занимали побережье, как это подтверждают надписи, недавно обнаруженные.

[21] Аристотель говорит, что это были торговцы из Фокеи, города в Ионии. Сенека добавляет: *Phocide relicta, Graii qui nunc Massiliam colunt.*

[22] Страбон, книга IV, стр. 180.

[23] Цицерон особенно не скупится на похвалы Марселю: *Sic optimatum consilio gubernatur, ut omnes ejus instituta laudare facilius possint quam imitari.* (Цицерон, Речь в защиту Флакка.)

[24] Юстин говорит: *Cum Romanis prope ab initio conditæ urbis fœdus summa fide custodierunt auxiliisque in omnibus bellis industrie socios juverunt.* (Книга XLIII, глава III.)

[25] Полибий, книга III, глава VIII, перевод Д. Тюийе.

[26] 599 год от основания Рима.

[27] Полибий, «Посольства», 194: *Quintus Opimius consul Transalpinos Ligures, qui Massiliensium oppida Antipolim et Nicæam vastabant, subegit.* (Тит Ливий, книга XLVII.) Легионы расположились на прекрасной территории, где ныне находятся Грасс и Фрежюс.

[28] *C. Sextius proconsul, victa Salviorum gente, coloniam Aquas Sextias condidit, aquarum copia, et callidis et frigidis fontibus, atque a nomine suo ita appellatas.* (Тит Ливий, «Эпитомы», книга LXI.)

[29] Тит Ливий признаёт, что с Римом было бы покончено, если бы в том веке не оказалось Мария: *Actum erat nisi Marius illi sæculo contigisset.* Существует множество рассуждений о месте, где была дана великая битва Мария против кимвров. Я посетил поле Крау, покрытое галькой.

[30] После своего первого консульства, в 693 году от основания Рима.

[31] «Записки» Цезаря, книга I, глава II: император Наполеон I сам комментировал кампании Цезаря и судит о них с большой строгостью. Заметки к «Запискам» – труд, гораздо более значительный, чем «Жизнь Цезаря».

[32] Это тот Гальба, который в старости был избран императором.

[33] ... *Naves interim longas ædificari in flumine Ligeræ quod influit in Oceanum, remiges ex Provincia institut, nautas gubernatoresque comparari jubet.* (Цезарь, книга III, глава IX.)

[34] Легаты Цезаря в Галлиях: Красс, Гальба, Брут, Кассий позже выступили против его честолюбивых замыслов.

[35] Две экспедиции в Германию и Англию образуют IV книгу «Записок». Император Наполеон I говорит: Цезарь недостаточно продумал силы, необходимые для экспедиции такой важности; она обратилась в его смущение.

[36] Согласно императору Наполеону I, пять полных легионов составляли численность в 40 000 человек. Не следует смешивать эти «Записки», столь замечательно написанные на Святой Елене, с «Жизнью Цезаря».

[37] *Paucis ex prælio elapsi, incertis itineribus per silvas ad Labienum legatum in hiberna, perveniunt...* (Цезарь, книга V, глава XXXVII.) Резня легиона Сабина, говорит Наполеон I, – первая серьёзная неудача, которую Цезарь потерпел в Галлиях.

[38] Все галльские имена, приводимые в «Записках» Цезаря, скорее титулы достоинств, чем собственные имена. Так, на кельтском языке: *veg-cinn-cedo-righ*, из которого Цезарь сделал Верцингеториг, означает великий вождь, а *cinn-cedo-righ* (Кинжеториг) – вождь сотни голов.

[39] «Записки» указывают имена народностей, которые покорились и связались с Цезарем. (Книга III.)

[40] Германские когорты оказали большую поддержку Цезарю: *Laborantibus nostris Cæsar Germanos submittit... tum Germani acrius usque ad munitiones sequantur.*

[41] Алезия, согласно рассказу Диодора Сицилийского, была весьма древним городом, обязанным своим основанием Геркулесу: работы д'Анвиля, Мальт-Брена, Валькенера помещают её на горе Оксори, близ Семюра. Недавно льстивый дух умножил исследования о городе Алезии.

[42] Цезарь поспешил известить римский сенат об этом умиротворении; благодарственные молебствия, празднества, длившиеся более месяца, были отпразднованы в Риме: *His rebus, litteris Cæsaris cognitis Romæ, dierum XX supplicatio redditur.* Этими словами заканчиваются «Записки» Цезаря.

[43] Красс, подлинный победитель Галлий, погиб в парфянской экспедиции; Цицерон на мгновение примкнул к Цезарю; Брут, ещё совсем молодой, принял участие в заговоре.

[44] Первое издание «Записок» следующее: *Caii Julii Cæsaris opera*, Рим, 1469.

[45] Цицерон, Речь в защиту Фонтя.

[46] Цезарь, «Записки», книга VI, глава XVI. Кельтская этимология слова друид – человек лесов или дуба.

[47] «Энеида», книга VIII, стих 655.

[48] См. Леблан, «Трактат о монетах»; он даёт все франко-галльские медали. Несколько мемуаров старой Академии надписей посвящены нравам, привычкам галлов. Отец Буке всё собрал в своём превосходном предисловии *Hist. Gallic.* Претенциозная и шумная современная учёность ничего не добавила к этим материалам.

[49] Тацит написал свою книгу О происхождении и местоположении германцев.

КНИГА II. – РИМСКАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ГАЛЛИЯ

После долгих кампаний Цезаря и покорения Верцингеторикса галлы подчинились римскому глебу. При императоре Августе их разделили на четыре провинции: Белгику, Лугдунскую, Аквитанию и Нарбонскую. На реверсе древней медали Гальбы видны три прекрасных женских головы, связанные вместе, с надписью: «Три Галлии» [1]. В следующем столетии они были подразделены на семь провинций: Германия, Белгика, Лугдунская, Аквитания, Нарбонская, Вьеннская, Альпы. Наконец, в «Уведомлении о Галлиях», опубликованном бенедиктинцами, встречается обозначение семнадцати провинций, ста тринадцати городов, цивитасов или муниципиев Галлий [2]. Уже при Августе ничто не было более глубоко римским, чем Провинция (Provincia), то есть Южная Галлия; она внесла гораздо больший вклад в умиротворение «косматой Галлии», чем походы Цезаря.

Победоносный Рим оставлял каждому народу его законы, его религию, его обычаи, при условии повиновения верховной власти империи. Но то, что объясняется лишь живительной силой его институтов, заключается в том, что покоренные народы немедленно перенимали римские обычаи и ассимилировались с его цивилизацией: так латинский язык заменил кельтское наречие, а боги Олимпа – гальский пантеон. Даже Марсель не избежал этого общего влияния Рима. Республика, столь восхваляемая Цицероном, эта возлюбленная сестра, где римляне черпали греческую мудрость и вкушали инжир и виноград, свисающий с лозы, была присоединена к Провинции и отреклась от своей свободы [3].

Эта замена форм и идей объяснялась прежде всего системой военных колоний, которые Рим рассылал по всем странам своего господства. Так, Арль был колонией шестого легиона (Colonia Arelate Sextanorum), Фрежюс – колонией восьмого легиона: второй легион основал Оранж (Colonia Arausio Secundanorum). Цицерон говорил о Нарбоне: «Это колония наших граждан, стража римского народа, цитадель, которая сдерживает и отбрасывает соседние народы» [4]. Колонии создавались по образу метрополии: Сенат, консулы, трибуны, судьи, законы, муниципальная система, храмы, зрелища. Цезарь имел страсть к колониям; он, можно сказать, заселял ими Галлии и Испанию, где восемьдесят тысяч легионеров были распределены как земледельцы; он даже задумал учредить их повсюду в завоеванных провинциях. К концу первого века мало было городов, даже поселков, которые не гордились бы званием муниципия с выборной магистратурой: декурионы, назначаемые народом, особая казна, формы, установленные законами [5]. Муниципиями управляла курия, состоящая из всего корпуса куриалов или декурионов, избранных среди граждан, владевших двадцатью пятью югерями (jugerium) земли. Декурионы назначали магистратов города, дуумвиров – главных кураторов и защитников (curatores et defensores), ответственных за управление, сбор налогов, – должности, которые позже стали пустой формальностью [6], поскольку префекты, представители цезарей, поглотили всю власть.

Каждый город был взят под покровительство сенатора или семьи Юлиев. Галлы страстно любили зрелища: граждане присутствовали на играх в амфитеатрах, где дикие звери сражались с гладиаторами. В Ним нашли арены, в Лионе – театры и академии, в Арле – храмы и цирки, где могли разместиться двадцать тысяч зрителей. Вьенн был резиденцией префекта, и такова была сила римских институтов, что друидическим божествам не осталось иного прибежища, кроме лесов Бретани, за дюнами и скалами: Эзус, Тевтат и Бренн галлов превратились в Юпитера, Меркурия, Аполлона [7]; процессии увенчанной башнями Кибелы [8] и Вакха, покрытого виноградной лозой, разворачивались в городах Галлий, как и в Италии, под звон

кимвалов. Греческое искусство достигло своего апогея в Ниме, и великолепная Венера Арля, найденная в руинах храма, свидетельствует, что галльские художники воспроизводили божественные формы с греческим совершенством [9]. Эта любовь к искусствам расслабила души; чрезмерное употребление бань, безумие пышности и празднеств, празднование таинственных культов стерли стыдливость галльской женщины, в поговорку вошло, что нет ничего более распутного, чем Галлия, богатая своими золотыми рудниками, долгое время эксплуатировавшимся карфагенянами. Перед этим всеобщим подчинением одна лишь Арморика, или Бретань, сопротивлялась. Когда Август разделил Галлии на провинции, Арморика была включена в Лугдунскую, которую Адриан разделил на две провинции, а затем на три, чтобы облегчить государственное управление. Третья Лугдунская включала Турень, Анжу и мятежную Бретань; бретонцы восставали при Тиберии и Нероне: друидизм был загнан в глухие леса; Август торжественно запретил человеческие жертвоприношения. Но Арморика была окончательно усмирена лишь после завоевания большого острова бриттов (Англии): Август имел эту мысль [10], но храм Януса был закрыт, император, счастливый миром, не хотел более тревожить мир; Тиберий, уставший политик, решил скорее ограничить империю, нежели расширять ее; Калигула удовольствовался тем, что завладел Океаном, собирая ракушки на скалах [11]: он остановился перед опасностями моря; вид островов Британии внушал некий ужас даже самым храбрым легионам. При Клавдии они все еще колебались: счастливое предзнаменование метеора, прочертившего огненную борозду от Кале до берегов Англии, увлекло ветеранов: император лично принял командование четырьмя легионами, назначив легатами Авла Плавтия и Веспасиана.

Война длилась почти семь лет среди самых серьезных событий и диких эпизодов. Римляне встретили упорное сопротивление. Женщины, дети бриттов сражались с адской яростью. Пение друидов, священные церемонии подстегивали их к борьбе. Светоний Паулин, преемник Веспасиана, понял, что возможного умиротворения не будет, пока друидизм не исчезнет с этой земли: главным очагом священной религии был остров Англси, покрытый дубовыми лесами, глубокими пещерами и гигантскими камнями. Друиды укрылись там как в неприступном убежище. Паулин приказал германской кавалерии пересечь маленький пролив [12]. Зрелище одновременно мрачное и величественное открылось их изумленным глазам. Друиды, собравшиеся на берегу, с руками, воздетыми к небу, взывали к Богу битв, дабы отразить врага; их расстрепанные женщины, одетые в траур, размахивали зажженными факелами, призывая адские божества. При этом зрелище римские когорты на мгновение замешкались. Паулин пристыдил их, сам погнав коня прямо в волны: тогда ветераны высадились на берег: это была беспощадная резня; римляне поняли, что из этого священного очага исходит сопротивление бриттов; они захотели уничтожить его разом: древний дубовый лес был срублен топорами, каменные алтари разбиты; друиды и жрицы-друидессы отданы ликторам. Постановлением Сената бриттские острова были присоединены к Римской империи [13]. С тех пор провинция Британия оставалась спокойной: если друидизм и не исчез полностью, он должен был скрываться как запрещенный культ.

Таким образом, со стороны Британии границы римской Галлии обеспечили свой покой завоеванием острова бриттов; но на Маасе, на Рейне германцы всегда были беспокойны. Императоры никогда не пытались завоевать Германию, внушавшую им некоторый ужас, и присоединить ее к Империи; глухие леса, ледяные озера, огромные болота, народы, полные энергии и мужества, казались им непреодолимыми препятствиями, перед которыми даже Германик колебался. С тех пор политикой императоров стало основывать на Рейне военные колонии, посты ветеранов с достаточно сильными предместными укреплениями, чтобы предохранить Галлии от любых попыток вторжения. Военная колония Кёльн была предназначена защищать

Рейн [14]: Гальба мог сказать без хвастовства, что Галлии столь же мирны, столь же безопасны, как и Италия. Гений галлов развивался; латинский язык был так же хорошо говорен в Лионе, Вьенне, Отёне, Ниме [15], Арле, Марселе, как в Риме или Тускулуме. Сохранившиеся памятники свидетельствуют об изяществе искусств в Галлиях: в Ниме храмы, посвященные Юпитеру, Цезарю, Диане, Венере, соперничали со всем, что греческое и римское искусство произвели наиболее совершенного; любовь к язычеству была горяча, как преданность Августам: под триумфальными арками Оранжа, Вьенна можно было подумать, что находишься в Риме; посвящений было множество; гробницы, рассыпанные по земле, как на Священной дороге; Вьенн до сих пор хранит следы ипподрома.

Театры были заполнены толпой, аплодировавшей мимам, гистрионам: цирки давали зрелище гладиаторов. Арены Арля, Нима, Оранжа соперничали с цирком Тита. Вокруг алтарей тысячи жертв падали закланными в честь богов. Игры, пантомимы соответствовали общественному богатству: в Отёне общественные трапезы длились восемь дней по случаю триумфа Августа. Одежания граждан уже не имели ничего от той первобытной простоты древних галлов; нравы были легки, как и национальный характер [16]. Марсель, Антиб, Фрежюс, порты Галлий, были полны товаров, прибывших из Азии. Марсель посвятил свою живую веру культу Дианы, воздвигнув храм на морском берегу; волны разбивались о его мраморные стены. Роскошь марсельцев вошла в поговорку. Закон Августа запрещал жертвоприношения людей, оставленные карфагенянами Марселю и продолжавшиеся жрецами в дубовом лесу на священном холме (позже посвященном Богоматери Хранительнице).

То, что Италия утратила в учтивости, в цивилизации после века Августа, Галлия, казалось, приобрела. Сенаторы, патриции, поэты покидали Рим, чтобы обосноваться посреди Провинции и даже в центре Галлий, в столь просвещенном Лионе, в Вьенне – резиденции префекта, в учёном городе Отёне и даже в Лютеции, украшенной своими шпалерными садами, которую позже так полюбил цезарь Юлиан.

Посреди этого общества, столь примечательного искусствами, столь крепкого управлением, вдруг прозвучало новое учение, которое появилось одновременно в греческой республике Марсель, в императорском городе Арле и в Лионе – центре научных идей и академий. Марсель имел связи с Востоком, его корабли бороздили все моря; понятно, как христианская проповедь могла проникнуть туда без шума, без огласки [17]. Арль, расположенный почти в устье Роны, город роскоши и удовольствий, также имел регулярные связи с Римом; а разве Лион не был первым муниципием Галлий? Легенда, чтимая народами юга, повествует, что святой Лазарь, воскресенный из гроба; Магдалина и Марфа, святые жены Христа, высадились в Марселе. Лазарь стал его первым епископом; он указан таким образом в *Gallia christiana* и принят традициями Церкви. Святая Марфа пришла в Арль, следуя Роне до Тараскона: благочестивая хроника еще повествует, что своими израненными ногами Марфа растоптала чудовище, опустошавшее эту местность. Этот дракон с зеленоватой чешуей, с ужасными крыльями – был ли это символ побежденного язычества? Или же бедствие, рассеянное молитвой? Кающаяся Магдалина удалилась в уединение, которое паломники посещают до сих пор. У подножия Малых Альп, после того как осмотришь Сен-Максимен, римскую колонию, находишь лес густых дубов; по тропам, прорытым потоками, поднимаешься до грота, устроенного в скале; вода сочится сквозь трещины, и ветер качает старые деревья: по преданию, Магдалина оставалась там до смерти, лежа на мху [18], с крестом в руках и телом, покрытым своими волосами.

Проповедь христианства на юге Галлий до тех пор не была достаточно заметной, чтобы привлечь внимание магистратов. Первые христиане Марселя собирались в гротах на морском берегу неподалеку от храма Дианы. В Лугдунской провинции появляется ученик святого Поликарпа [19] по имени Пофин, возведенный в сан епископа Лионского. Святой Пофин прибыл из Азии с группой учеников, которые обосновались на возвышенном месте, называемом Фурьер (Forum-Vetus). Лион посвятил Августу обширный храм, памятник благодарности городов Галлии [20]. Каждый год в честь принцепса праздновались торжественные игры.

Пока возлияния умножались среди магистратов и народа, раздался этот крик, вырвавшийся у толпы: «Христиан – зверям!». У нас осталось современное свидетельство о кровавой сцене в претории Лиона: в ту эпоху верующие посылали друг другу исповедание своих деяний, чтобы ободряться в гонении. Христиане Вьенна писали своим братьям в Азии и Фригию [21] подробности великого мученичества: Симпфориан, римский гражданин, сын Фауста из рода патрициев, был привлечен к христианским учениям и открыто исповедовал их в городе Отён, а затем в Лионе [22], столь ревностном в почитании Аполлона, Кибелы и Дианы. Шумная процессия приветствовала аккламациями колесницу Матери Богов, и Симпфориан отказался воскурить фимиам на священном треножнике: всем он отвечал: «Я – христианин». Преданный преторию Лиона, он был допрошен. «Ты – христианин, и потому с презрением отказался поклониться Матери Богов?» – «Говорю вам, – ответил Симпфориан, – я поклоняюсь живому Богу, царствующему на небе». – «Симпфориан, ты – римский гражданин, – продолжал претор, – не боишься ли быть пораженным за преступление неповиновения указам императора: вот статуя Кибелы, вознеси фимиам на алтарь Аполлона и Дианы, украшенный цветами». Симпфориан ответил дерзко: «Смотрите на фанатическую ярость и безумие этих корибантов, бьющих в кимвалы и играющих на флейте в свои праздники. Кто не знает, что ваш Аполлон пас стада царя Адмета, что он умел подражать в пещере Дельф голосу и образу демонов и мычанию волов, чтобы лучше обольщать своими оракулами. Что до Дианы, разве она не демон полудня: она бегаёт по улицам, по лесам, чтобы устраивать свои засады, и оттого ее зовут Тривией (Трехдорожной)». Услышав эти дерзкие слова, толпа потребовала казни Симпфориана, которому отсекали голову за стенами города [23].

Спустя несколько лет после этого гонения воссияла научная школа христианства, олицетворенная в святом Иринее, который по своему происхождению принадлежал восточной философии; слава Лионской академии привлекла его, ибо литературные игры этого города делали его соперником Александрии [24]. Святой Иринея удостоился сана епископа: его сочинения, подводящие итог христианской философии первых веков, в особенности предназначены для борьбы с трансцендентными доктринами гностиков. Поскольку гностики приписывали себе особое совершенство и науку озарения, они могли бы исказить серьезное и практическое учение христианства [25]. После святого Иринея начинается епископская миссия семи диаконов, чьи имена сохранились как национальное предание: Дионисий, Катиан, Трофим, Сергей-Паулин, Сатурнин, Аустремоний и Марциал; все весьма сведущие в науках и в занятиях школ Азии, они взяли на себя задачу просветить Запад. Диакон Дионисий пришел в Лютетию, скопление каменных и деревянных домов; ее жители с усердием поклонялись богине Изиде. Дионисий проповедовал два года: он поставил епископов, своих учеников, от Сены до Белгики; он был замучен [26].

На юге Сергей-Паулин, основатель церквей Нима, Безье, Авиньона, посвятил себя главным образом Нарбону, римской колонии, уже отличавшейся среди муниципиев. Аустремоний направил свою проповедь среди городов Оверни, населения столь глубоко отмеченного римской кровью [27]. Марциал избрал Лимож для борьбы с идолами и храмами: Катиан прибыл

в Тур, место наслаждений, пышности и празднеств; красота климата благоприятствовала всяческой чувственности. Сатурнин обитал в Тулузе при консульстве Деция. Город имел свои храмы, чтимые толпой, и самый блистательный из них – Капитолий: там Юпитер давал оракулы. Против его изображения апостол восстал с безрассудным рвением. Пока толпа стекалась к подножию алтаря, чтобы принести в жертву Юпитеру быка, Сатурнин обратился к жрецу с укоризной. Тогда возбужденная толпа указала на него как на врага богов, восклицая: «Сатурнина – зверям!». По приказу претора епископ был привязан к хвосту разъяренного быка, который ринулся на арену, вскоре залитую кровью и его изорванными в клочья плотью. Сатурнин испустил дух у подножия Капитолия [28]. Последний из этих миссионеров, Трофим, взял на себя императорский город Арль [29]: он проповедовал посреди храмов, посвященных Венере, чьи восхитительные статуи украшали общественные площади, арены и храмы.

Христианские идеи быстро распространились уже в первом веке среди населения Галлии, и вера возрастала среди препятствий. Тогда были воздвигнуты первые церкви; долгое время христиане не решались собираться открыто, под небом. Галлия также имела свои крипты, свои катакомбы, свои таинства; некоторые развалины этих благочестивых пещер существуют до сих пор, большей частью они вырублены в скале [30] и поддерживаются грубыми колоннами; свет туда не проникает. Баптистерий находится рядом с алтарем, а алтарь – возле гробницы; несколько грубо вырезанных фигур указывают на таинства: рыба – символ и греческая анаграмма Христа, Сына Божьего, добрый пастырь, несущий агнца на плечах: гробница мученика часто является самим алтарем; несколько каменных скамей – словно место отдохновения для собравшихся верующих. Христиане давали друг другу поцелуй мира, празднуя свои благотворительные агапы. Как все тайные общества, стремящиеся свергнуть власть, христианство имело свой символический язык: каждое слово имело свой скрытый смысл, каждое таинство – свою цель; причастие утверждало братство людей, всех приглашенных к одной трапезе, господина и раба; месса напоминала об отмене человеческих жертвоприношений через вечное приношение Бога-жертвы. Первые верующие скрывались под покровом непроницаемого символизма, укрываясь таким образом от ужасающих эдиктов гонений; христиане Галлий смело встречали смерть. В Марселе, столь набожном к Диане, центурион по имени Виктор (Победоносный) опрокинул ударом ноги статую Юпитера; он был обезглавлен именем императора. Ныне его древний бюст, как и бюст Лазаря, носят в триумфе. Крипта аббатства Сен-Виктор вырублена в скале, где укрывались преследуемые верующие [31].

Однако христианские идеи в Галлиях развились открыто лишь после воцарения Константина. Церковь уже была полностью организована, когда получила свободу. Она была уже достаточно сильна, чтобы противостоять величайшему кризису – правлению цезаря Юлиана в Галлиях. Юлиан любил свою Лютецию, свой дворец Терм, свои сады, простиравшиеся до Бьевра: он особенно ценил ее за то, что она питала большое почтение к богам и к богине Изиде, своей покровительнице, и такова была уже мощная христианская организация, что Юлиан не осмелился тронуть власть епископов, стоявших во главе муниципиев [32]. Епископ, избранный из великих галльских семей, стал почти повсюду верховным магистратом, главой курии, он руководил публичными выборами, энергично преследуя языческие идеи, храмы, празднества, жертвоприношения. Воздвигались базилики, отнюдь не украшенные стрельчатыми арками, но простые, как стены, которые римский цемент сделал прочными. Редкие базилики четвертого века, избежавшие разрушительного действия времени, сохраняют формы латинского стиля, кафедра, баптистерий не находятся внутри церкви [33]. Прежде чем быть допущенным в христианское общество, катехумен очищался, крестился, и только тогда он мог переступить порог церкви. Было такое смешение искусств, эпохи были так близки, что епископа иногда погребали под античным камнем, изображавшим языческие празднества и игры: фигура Хри-

ста, Богородицы и Апостолов или же некоторые сцены Ветхого или Нового Завета были вырезаны на греческий манер с украшениями языческих алтарей. Это смешение атрибутов еще находят в древних гробницах с четвертого по пятый век [34].

В ту эпоху великая опасность угрожала едва формировавшейся галльской церкви – это был арианство, система деистической философии, весьма соблазнительная своей простотой: ариане, провозглашая себя христианами, отрицали божественность Христа и догматы, провозглашенные Церковью, особенно Троицу. Успехи арианства были значительны в Галлиях [35], среди варваров; епископы едва вышли из ужасной борьбы с идолопоклонством; боги язычества еще сохраняли свои алтари в больших городах: Вьенн, Отён, Орлеан, Тур, и уже разделение возникло в недрах католичества. Борьба с арианством была столь же серьезна, столь же полна опасностей, как и битва, данная язычникам. Среди епископов-борцов возвысились святой Иларий из Пуатье и святой Мартин из Тура. Арианство господствовало в Галлиях под покровительством императора Констанция; гонение возобновилось, и магистраты говорили епископам: «Покиньте ваши церкви, ибо император приказал передать их арианам». Святой Иларий, даже во дворце Констанция, требовал свободы для народа и независимости для священников. Посреди смут ереси он написал свою книгу о Троице [36], предназначенную опровергнуть заблуждения ариан. Эта книга, прекрасного стиля, заставляет святого Иеронима сказать, что она написана на галльском котурне. Святой Иларий победил; граждане Пуатье сохранили о нем традиционное почитание; первая базилика была посвящена ему, в знак признательности за услуги, оказанные народу.

Святой Мартин, епископ Турский, не был гражданином Галлий. Родившись в Паннонии, сын трибуна легионов, он учился в школах Павии; христианская проповедь тронула его с такой живой горячностью, что он поспешил встать в ряды катехуменов. Почти отроком он вступил в императорскую милицию и стал центурионом под началом своего отца-трибуна. Легион расположился в Амьене, стояла сильная стужа, и Мартин увидел на углу улицы бедного нищего, нагого и дрожащего. Чтобы укрыть его, благочестивый центурион разрезал свой плащ пополам и отдал одну половину нищему [37]. Следующей ночью, согласно легенде, Мартин увидел во сне Христа, одетого в половину его плаща, и ангелы восклицали: «Мартин, еще катехумен, одел Меня этим плащом» [38]. Это видение поразило его ум и тронуло сердце; он прослужил еще два года с отличием под началом Юлиана во время экспедиции в Галлию. Удалившись в Тур, он был избран народом епископом как один из великих граждан: Мартин принес в исполнение своих обязанностей силу и постоянство, которые дает военное состояние. Он популяризировал идеи труда и уединения в «косматой Галлии», как это основал Кассиан в Нарбонской провинции, он составил правило для отшельников, сам бывший руководителем солдатской дисциплины. Ревностный противник идолов, Мартин объездил Турень, чтобы сокрушать храмы, разбивать изображения богов, не щадя ничего, даже храма в Амбуазе, посвященного галльскому Аполлону. Никакая слава не была равна славе Мартина Турского, который нравственно возвысил всю эту страну, упразднил рабство, поднял человека на всю его высоту достоинства. Потому его гробница, сохраненная сквозь века как палладиум Галлий, стала местом убежища для раба, пристанищем для бедного, несчастного, обузой против дикости франкских королей. Какой христианин осмелился бы наложить святотатственную руку на эту гробничную плиту? Тысячи легенд обеспечивали ей неприкосновенность [39].

В ту эпоху были опубликованы акты мученичества святого Дионисия, диакона, восточного происхождения, пришедшего проповедовать в Лютетию парижскую [40]. Было самое разгар гонения при правлении Валериана, и Дионисий был схвачен вместе со священником Рустиком и диаконом Елевферием. Перед префектом Терценнием все трое исповедали христиан-

скую веру; им отсекали головы на Mons Martii (Холме Марса), где виднелся храм, посвященный богу Марсу, столь дорогому кельтам. Народное предание о святом Дионисии повествует, что он нес свою голову в руках до места, где позже была построена часовня: это предание, возможно, объясняется идейной историей архитектуры. Под порталом соборов, когда художник хотел изобразить мученика говорящим образом, он помещал ему голову в руки, – наивный символизм; и этот образ благочестивый составитель житий перелagal в свой рассказ о чудесах святого Дионисия. Многие вещи Средневековья объясняются таким идеализмом.

В шестом веке география Галлии приняла совершенно церковный характер: первая Лугдунская римлян стала христианской митрополией Лиона с суффрагантными епископствами Отёна, Лангра, Шалона-на-Соне. Вторая Лугдунская имела митрополией Руан с епископствами Байё, Авранша, Эврё, Лизьё, Кутанса. Третья Лугдунская преобразовалась в церковь Тура: Сенонская провинция стала митрополией Санса, а первая Белгика – Трира: вторая Белгика имела митрополией Реймс; первая Германия – Майнц, с суффрагантствами Страсбурга, Шпейера и Вормса: вторая Германия гордилась тем, что имела митрополией Кёльн; провинция секванов – Безансон, Вьеннская – Вьенн; первая Аквитания – Бурж; вторая – Бордо; Новемпопулания имела митрополией ныне разрушенный город Оз (Eause) [41]; первая Нарбонская – Нарбонна; вторая – Экс, Альпы – Амбрён [42].

Эта митрополитанская администрация первоначально сформировалась по образцу административных разделов римской Галлии: Церковь нашла все провинции уже образованными гражданским законом; она приняла их, и везде, где видела место пребывания правительства, она учреждала митрополию; каждый главный город имел своего епископа, главу курии, защитника города. На развалинах имперской администрации Церковь основала свою собственную иерархию [43].

Такова была Церковь Галлий, которой предстояло сыграть столь великую роль силы и защиты посреди варварских вторжений. Первоначальное происхождение этой Церкви было восточным, и Рим – источник всякого света. Историческая школа, видевшая в епископах продолжателей друидов, солгала памятникам: кровавый друидизм почти полностью исчез к концу третьего века, даже в Англии и Арморике; его последние остатки преследовали с ожесточением. Руины друидизма сохранили оттенок магии и феерии; архидруид Мерлин стал прославленным волшебником в песнях о деяниях; фея Моргана – колдуньей берегов Океана, которая поднимала или утишала бури. Школа христианских епископов не имела никакого отношения к этим доктринам; друиды стали демонами легенд, Дьяволом и Адом в Бретани.

Примечания:

[1] Сергей. Гальба Император Август. Три Галлии.

[2] Древние списки провинций и городов Галлии. (Дом Букет, том I, стр. 122; том II, стр. 1 и 2.)

[3] Слава Марселя была огромна среди римлян, и мой патриотизм любит это констатировать. Страбон говорит: «...чтобы из-за стремления к красноречию они предпочитали Марсель афинскому странствию» (Страбон, кн. IV, стр. 81).

Тацит, говоря об Агриколе: «...ибо с самого детства местом пребывания и наставницей в науках имел он Марсель, место, смешанное греческой обходительностью и провинциальной бережливостью и вполне благоустроенное» (Тацит, «Агрикола», гл. IV).

[4] Цицерон, «В защиту Фонтя».

[5] См. Валезий: «Notitia Galliar.», стр. 446.

[6] «Подлинно пустые тени и суетные подобия достоинств».

[7] Плиний, кн. XVI, в конце.

[8] Особенно в Отёне Кибела была почитаема. (Григорий Турский, «О славе исповедников»).

[9] Нужно посетить Арль, если хочешь составить себе верное представление о старом римском городе: Арль средневековый построен на руинах римского города.

[10] Август наложил на бриттов лишь простую дань: однако лесть Горация делает Августа завоевателем Великобритании.

«Ныне как бог присутствует

Август, присоединив бриттов

К державе...»

(Гораций, III, 5.)

[11] Светоний, «Калигула», 46—47.

[12] В «Жизни Агриколы» Тацита находятся самые любопытные подробности об этой экспедиции в Великобританию. («Агрикола», 18—24.) Тацит говорит, что Лондон в ту эпоху уже был городом, знаменитым своей торговлей: «В высшей степени знаменитое обилием торговцев и товаров».

[13] Также поэты говорят, что Клавдий соединил два мира и поместил Океан в Римскую империю:

«Но ныне Океан омывает двойные миры.

Часть он империи; прежде был границей».

[14] Римляне никогда не владели ничем, кроме Нижней Германии: именно в Кёльне был провозглашен Вителлий.

[15] Бенедиктинцы в «Истории литературы Франции» посвятили целый том литературе Галлий.

[16] Сравните всегда Валезия, «Notitia Galliarum», с прекрасным предисловием Бенедиктинцев в «Hist. rerum gallicarum», том I.

[17] Святой Епифаний говорит, что святой Лука, ученик святого Павла, пришел проповедовать христианство в Галлию (св. Епиф., ересь 51, в издании Петавия, стр. 439; Собор Галльский, том I, стр. 148). Однако Сульпиций Север говорит, что проповедь началась позднее: «Тогда впервые внутри Галлий увидели мученичества, поздно, за Альпами религия Бога была воспринята» (Кн. II).

[18] Я посетил базилику Сен-Максимена, один из великих памятников искусства средних веков: там существуют римские гробницы. Я поднимался несколько раз к гроту Святой Магдалины. Наша Прованса полна античных богатств.

[19] Святой Поликарп пришел в Рим в 158 году от Р. Х. (Хроника Александрийская, к году 158.)

[20] Скромная церковь Эне построена на руинах этого храма: по преданию, там были погребены эти мученики. Я оказался там один любопытствующий посещать эти крипты, как в Сен-Викторе в Марселе.

[21] Отец Лонгёваль в своей «Истории Галликанской церкви» привел ее целиком; Тиймон снабдил ее примечаниями.

[22] Отён обязан своим именем Августу: Августодун.

[23] Отён. Мученичество святого Симпфориана помещено болландистами 22 августа. Д. Рюинар, «Подлинные мученики». Болландисты, 22 авг.

[24] Ювенал говорит о литературных играх в Лионе, немного опасных для побежденных:

«Пусть бледнеет, как тот, кто нагой ногой наступил на змею,

Или как ритор, что говорить у лионского алтаря будет».

[25] Святой Ириней стоял во главе церкви Галлий: «Приходов по Галлии, коими предводительствовал Ириней».

[26] Две первые базилики были построены в Париже в его честь: Сен-Дени-де-ла-Шартр (от темницы), Сен-Дени-дю-Па (от страдания).

[27] Клермон назывался *Civitas Avernorum* и позже *Augusto Nemetum*. Имя Клермон, *Clarus mons*, было дано ему в средние века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.